

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(7), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бугаева И. В. Лингвотеологемы и лингвокультуры в современном языковом сознании (на примере слов *милосердие* и *бодрствовать*) / И. В. Бугаева, А. С. Лагутова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 7. — С. 9—30. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-9-30.

Bugaeva, I. V., Lagutova, A. S. (2026). Linguotheologemes and Linguocultures in Contemporary Linguistic Consciousness: a Corpus-based Study of *miloserdie* and *boдрstvovanie*. *Nauchnyi dialog*, 15 (7): 9-30. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-9-30. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвотеологемы и лингвокультуры в современном языковом сознании (на примере слов *милосердие* и *бодрствовать*)

Бугаева Ирина Владимировна¹

orcid.org/0000-0003-3682-4880

доктор филологических наук, доцент,
профессор, кафедра общей
и славянской филологии,
корреспондирующий автор
bugaevaiv@mail.ru

Лагутова Анастасия Сергеевна²

orcid.org/0009-0009-4244-1043

преподаватель, кафедра
«Русский язык как иностранный»
lagutovaas@gmail.com

¹ Российский государственный
университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
(Москва, Россия)

² Национальный исследовательский
Московский государственный
строительный университет
(Москва, Россия)

Linguotheologemes and Linguocultures in Contemporary Linguistic Consciousness: a Corpus-based Study of *miloserdie* and *boдрstvovanie*

Irina V. Bugaeva¹

orcid.org/0000-0003-3682-4880

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of General
and Slavic Philology,
corresponding author
bugaevaiv@mail.ru

Anastasia S. Lagutova²

orcid.org/0009-0009-4244-1043

lecturer, department
of “Russian as a foreign language”
lagutovaas@gmail.com

¹ The Kosygin State
University of Russia
(Moscow, Russia)

² National Research Moscow State
University of Civil Engineering
(Moscow, Russia)

© Бугаева И. В., Лагутова А. С., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена сравнению значений лексем в обыденном и религиозном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения категории сакрального в русском языке. Впервые вводится термин *лингвотеологема* как вербализованная инвариантная единица религиозного сознания. Проведено исследование семантических особенностей лексем *бодрствование* и *милосердие* с помощью компонентного и контекстуального анализа в двух типах дискурса. Проанализировано более 200 контекстов употребления указанных лексем. Материалы для анализа извлечены из Национального корпуса русского языка и религиозных текстов. Выявлено, что в обыденном дискурсе лексема *бодрствование* является моносемантом со значением физиологического состояния, а в религиозных текстах служит обозначением духовного бдения. Показано, что лексема *милосердие* в светском дискурсе обозначает готовность оказать помощь из сострадания, являясь лингвокультуремой, в то время как в религиозном дискурсе *милосердие* — это «помощь ближним как служение Богу», сoterиологическая добродетель, являющаяся лингвотеологемой. Авторы приходят к выводу о том, что одна и та же лексема, функционирующая в светском и религиозном дискурсах, может иметь семантические различия. Утверждается, что лингвокультурема — единица, отражающая светское сознание, а лингвотеологема — единица религиозного сознания.

Ключевые слова:

лингвокультурема; лингвотеологема; агносема; религиозный концепт; теолингвистика; лингвотеология; сакральное сознание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a comparative analysis of the semantic range of selected lexemes across secular and religious discourse. The relevance of this inquiry is predicated on the necessity to elucidate the category of the sacred within the Russian language system. For the first time, the term *linguoth-eologeme* is operationalized as a verbalized invariant unit constitutive of religious consciousness. Employing componential and contextual methodologies, the study investigates the semantic specificities of the lexemes *boдрstovanie* (wakefulness / vigil) and *mi-loserdie* (mercy / compassion) across two distinct discursive domains. The empirical basis comprises over 200 usage contexts extracted from the Russian National Corpus alongside canonical theological texts. The findings demonstrate that within mundane discourse, *boдрstovanie* functions as a monosemantic item denoting a physiological state of wakefulness, whereas its deployment in religious registers signifies spiritual vigil (*duxovnoe bdenie*). Conversely, it is shown that while *miloserdie* in secular parlance denotes an altruistic readiness to assist driven by compassion — thereby functioning as a linguocultureme — within the religious framework it constitutes 'service to one's neighbor as service to God,' representing a soteriological virtue and thus qualifying as a linguoth-eologeme. The authors conclude that polysemy arises diatypically: identical lexical items exhibit significant semantic divergence contingent upon their embedding in either secular or religious discourse. It is further posited that the linguocultureme serves as a semiotic marker of secular consciousness, whereas the linguoth-eologeme indexes specifically religious modes of conceptualization.

Key words:

linguocultureme; linguoth-eologeme; agnoseme; religious concept; theolinguistics; linguoth-eology; sacred consciousness.

УДК 81'373+81'373

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-9-30

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвотеологеми и лингвокультуры в современном языковом сознании (на примере слов *милосердие* и *бодрствовать*)

Бугаева И. В., Лагутова А. С., 2026

1. Введение = Introduction

Современное функционирование религиозных лексем в светском дискурсе демонстрирует принципиальный разрыв между их сакральным и профанным содержанием. Это семантическое расхождение является следствием сложной религиозно-языковой ситуации в России, где одновременно сосуществуют разные картины мира: светская и религиозная. Сложившаяся диалектика создает значительные терминологические и концептуальные трудности для ученых, работающих на стыке языка и религии. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью упорядочения терминологического аппарата теолингвистики и разработки четкой модели описания вербальной репрезентации категории сакрального.

Объектом исследования является языковое сознание современного российского социума в его религиозной и светской ипостасях.

Предмет исследования – вербальные репрезентанты сакрального и профанного в языковом сознании, а именно: лингвотеологеми и лингвокультуры как комплексные единицы анализа.

Цель исследования — определение различий в семантике лексем, встречающихся в религиозном и светском дискурсах. С помощью компонентного и контекстуального анализов выявляются семантические различия лексем *бодрствовать*, *милосердие* в указанных типах дискурса, что позволяет определить их статус как лингвотеологем или лингвокультурем и описать стоящие за ними фрагменты религиозной и светской картин мира.

Научная новизна заключается в предложении и апробации нового лингвокультурологического инструментария для анализа сакрального в языке.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Материалом для данной работы послужили контексты употребления лексем *бодрствовать*, *милосердие* в религиозных и светских текстах. Выбор указанных лексем в качестве объекта анализа обусловлен возможностью продемонстрировать предлагаемую методологию, нацеленную на выявление расхождений семантических структур в религиозном и светском типах сознания. Лексема *бодрствовать* не относится к очевидным маркерам сакрального, что делает ее наиболее репрезентативной для демонстрации глубинного, неочевидного расхождения значений. Лексема *милосердие*, напротив, традиционно воспринимается как связанная с религиозной сферой, однако она активно функционирует и в светском дискурсе, претерпевая семантические трансформации, что позволяет проследить динамику десакрализации концепта.

Корпус религиозных текстов составили фрагменты из Священного Писания, отобранные с использованием электронных ресурсов, специализирующихся на систематизации библейских текстов и святоотеческих толкований [Экзегет.ру; Bible.by]; фрагменты богослужебных текстов и святоотеческих творений, репрезентирующие догматически выверенное употребление лексем; материалы православных проповедей и медиа, размещенные на официальных сайтах епархий и православных порталах.

Корпус светских текстов составили данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), включающие тексты различных функциональных стилей; материалы современных российских СМИ, отражающие актуальные словоупотребления; данные толковых словарей русского языка, а также этимологические данные и специальные лексикографические источники, фиксирующие религиозную лексику.

Общий объем проанализированного материала составляет более 200 контекстов употребления всех лексем, что обеспечивает репрезентативность выборки и достоверность полученных выводов.

Исследование базируется на комплексной методике, объединяющей компонентный и контекстуальный анализ, успешно апробированный в предыдущих работах [Бугаева, 2025; Лагутова, 2024; Лагутова, 2025]. Данное исследование посвящено выявлению в семантической структуре лексем *бодрствовать* и *милосердие* агиосем и агиосемем. Сопоставление семного состава номинаций в религиозных и светских текстах позволяет разграничить лингвокультуемы и лингвотеологемы. Контекстуальный анализ направлен на выявление зависимости актуализации смыслов от типа дискурса и сочетаемости, что помогает определить доминантное положение сем в структуре слова при его употреблении в разных коммуни-

кативных ситуациях. В основе данного анализа лежит понятие религиозного дискурса, который, по мнению В. И. Карасика, относится к институциональному виду дискурса и представляет собой специализированную «разновидность общения между людьми», коммуникация внутри которой происходит в соответствии с нормами социума [Карасик, 2002].

Религиозный дискурс определяется как многослойный коммуникативный феномен, объединяющий как институциональные, так и внеинституциональные формы взаимодействия, включая и повседневную коммуникацию. Такой подход отражён в формулировке А. М. Прилуцкого: «Религиозный дискурс представляет собой совокупность коммуникативных действий и событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений» [Прилуцкий, 2015, с. 162].

Единицей религиозного дискурса выступает религиозный концепт как сложное мыслительное образование, в котором выделяются образный, понятийный и ценностный компоненты. Ключевым является концепт ВЕРА [Карасик, 2004].

Т. Б. Радбиль, рассматривая веру как основу мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира, отмечает, что концепт ВЕРА выполняет функцию фундаментального способа интеграции духовной активности этноса, лежит в основе национального мировосприятия и имплицитно присутствует в различных формах ментальной и поведенческой активности людей [Радбиль, 2019].

М. В. Пименова определяет концепт как представление о фрагменте или части фрагмента мира со сложной структурой, характерными признаками, которые вербализуются различными языковыми средствами [Пименова, 2013].

Ю. В. Коренева отмечает, что концепты религиозного дискурса имеют свои характеристики. При сохранности денотативного компонента значения специфика концептуализации отличается от узуального употребления [Коренева, 2017].

А. А. Бувич под религиозным концептом понимает многомерное ментальное образование, базовую единицу религиозной картины мира того или иного народа, «важнейшим элементом которой является убеждение в способности человека к духовному единению с Богом посредством веры» [Бувич, 2015, с. 72].

В. И. Постовалова определяет религиозный концепт как многомерное мистико-семиотическое и аксиологическое образование в единстве трех основных планов — духовно-мировоззренческом, культурно-историческом и лингво-семиотическом [Постовалова, 2014].

На сегодняшний день изучение религиозных концептов остается в фокусе научного внимания. В работах отечественных исследователей анализируются как базовые концепты религиозной картины мира, такие как БОГ и ЧЕЛОВЕК [Сергеева, 2002], так и более узкие: ГРЕХ [Сайгин, 2014], КРЕСТ [Макарова, 2023], МОЛИТВА, ПОДВИГ и ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ [Широкова, 2010]. Особый интерес представляет анализ трансформации и репрезентации этих концептов в различных типах дискурса. Например, концепт ГРЕХ в современной речи подвергается десакрализации и «обмирщению» [Сайгин, 2014], а структура концепта ПОДВИГ, по мнению М. С. Берендеевой, включает как сакральные (искупительный подвиг Христа), так и узуальные компоненты (военный, бытовой подвиг) [Берендеева, 2017].

Системное научное изучение взаимосвязи между языком, религиозным сознанием и культурной традицией в XX—XXI веках оформилось в особую дисциплину — теолингвистику, историю которой описал А. К. Гадамский, дав определение теолингвистике, под которой он понимал светскую, надконфессиональную лингвистическую науку, возникшую на стыке языка и религии [Гадамский, 2010].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лингвокультурема как репрезентант культурных смыслов

Лингвокультурология представляет собой одно из ведущих направлений в отечественной лингвистике. В. В. Воробьев определяет лингвокультурологию как дисциплину синтезирующего типа, которая изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей) [Воробьев, 2008].

М. Л. Ковшова отмечает, что лингвокультурология сосредоточена на описании культурной семантики, когнитивно релевантной сознанию носителя языка [Ковшова, 2023]. Лингвистический анализ в рамках лингвокультурологии традиционно реализуется по принципу восхождения от частного к общему: исходной точкой служит этимологическая и словарная семантика, а также функционирование лексемы в конкретных контекстах, что подтверждает концепцию Л. А. Новикова о сигматическом значении, актуализируемом в процессе коммуникации [Новиков, 1982].

Культура в рамках современного лингвокультурологического подхода понимается как система знаков (культурем). Обосновывая необходимость единого метода для изучения лингвокультуры, В. Н. Телия апеллирует к позиции Ю. С. Степанова, который указывал на невозможность простого переноса моделей между языкознанием и теорией культуры. Предлагалось решение выработать третий, более общий аппарат понятий, приложимый к лингвистической теории, с одной стороны, и к теории культуры, с другой [Телия, 2004, с. 19—22]. Таким образом, в рамках лингвокультурологического направления закрепился термин *лингвокультурема*, обозначающий комплексные межуровневые единицы, которые в плане содержания соотносятся как с языковым значением, так и с культурным смыслом [Гак, 1998, с. 49].

Для системного описания взаимосвязи языка и культуры целесообразно выстраивание иерархии теоретических единиц. Исходной для лингвокультурологии выступает *культурная сема* — мельчайшая семантическая единица, представляющая собой культурно маркированный смысл, входящий в денотативный аспект значения языковых единиц, номинарирующих идиоэтнические реалии [Телия, 2004].

Совокупность связанных культурных сем формирует более сложное образование, *культурный концепт*, ядерную единицу картины мира, обладающую экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом [Самситова, 2011].

С. Г. Воркачев отмечает, что концепт сначала стал «культурным концептом», а затем и «лингвокультурным», включающим как культурно значимые символические и ценностные смыслы, так и собственно языковые, отражающие включённость имени концепта в лексическую систему конкретного естественного языка [Воркачев, 2014, с. 51—52].

Вербальным воплощением и способом объективации культурного концепта в языке выступает *лингвокультурема* — лексическая единица с национально-культурным компонентом значения [Воробьев, 2008]. Это межуровневый знак, в котором план содержания представляет собой соответствующий культурный концепт. Лингвокультурема — это «имя» концепта, его словарное или фразеологическое выражение, определяемое национально-культурной семантикой. Лингвокультуремы дифференцируются по типам выражаемых культурных концептов и по сферам их распространения. Лингвокультуремы «могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих; активно “живут” до тех пор, пока активно “живет” идеологический контекст, “их породивший”» [Воробьев, 2008, с. 52].

Таким образом, культурная сема является строительным материалом для культурного концепта, который, в свою очередь, находит свою репрезентацию в виде лингвокультураны, которую В. В. Воробьев определяет как комплексную междуровневую единицу, представляющую собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [Воробьев, 2008].

3.2. Лингвотеологема как репрезентант религиозных смыслов

Проводя аналогию между лингвокультуранологией и теолингвистикой, заметим следующее: культурная сема влияет на формирование культурного концепта и образует лингвокультурану, так же и агиосема влияет на формирование религиозного концепта и формирует лингвотеологеми. Термин *лингвотеологема* рассматривается с позиции не только теолингвистики, но и лингвотеологии (термин, предложенный И. В. Бугаевой по аналогии с термином *лингвокультуранология*) — субдисциплины теологии, объектом которой являются канонические богословские тексты [Бугаева, 2022]. Специфика лингвотеологии заключается в решении собственно богословских задач с привлечением лингвистических методов. Если теология оперирует *теологемами* — единицами вероучительного знания, то лингвотеология изучает их вербальное воплощение через *лингвотеологеми*.

Таким образом, выстраиваем следующие парадигмы: теология — теолингвистика — решение лингвистических задач непосредственно лингвистами при изучении религиозных текстов, где единица — теологема; богословие — лингвотеология — решение богословских задач при помощи языка, где единица — лингвотеологема, проявляющаяся в религиозном концепте в рамках религиозной речевой деятельности и религиозного речевого сознания, которое не смешивается с профанным десакрализованным мироощущением.

Лингвотеологема — это вербализованная инвариантная единица религиозного сознания, представляющая собой семантически устойчивое, догматически детерминированное языковое выражение, которое актуализирует в сознании носителя языка конкретное вероучительное положение и обладает структурно-семиотической связанностью с категорией сакрального.

Исходной единицей, влияющей на формирование лингвотеологеми, является *агиосема* — интегральное значение, отличающее при вербализации религиозное употребление слова от светского, узуального. Агиосема функционирует как архисема, объединяющая ряд лексем в лексико-семантическую группу на основе общего семантического ядра (так, в ряду *мученик* — *блаженный* — *благодарный* — *праведный*, актуализируется общий признак ‘святий’). В свою очередь, *агиосема* представляет

собой дифференциальный признак значения, входящий в структуру этой семемы, и маркирует связь с определенной областью святости (к примеру, отличие чина святости *блаженный* от чина святости *мученик*).

Следовательно, агиосемема выступает конституирующим элементом религиозного концепта. Наличие этого компонента, маркирующего саму связь с категорией святости, позволяет ментальному образованию квалифицироваться как *религиозный концепт* — многомерная структура в коллективном религиозном сознании, репрезентирующая то или иное явление сакрального мироощущения.

Религиозный концепт и лингвотеологема, являясь взаимосвязанными ментальными конструктами, существуют на разных уровнях абстракции, образуя иерархию от ментально-концептуального к конкретно-языковому. Данное разграничение важно установить для методологии исследования и преодоления логического разрыва между абстрактной категорией и ее языковым воплощением.

На высшем, ментально-концептуальном уровне коллективного сознания религиозный концепт существует как абстрактное, многомерное образование. Это устойчивая структура в когнитивной картине мира верующих, репрезентирующая феномен сакрального. Его идеальное бытие характеризуется сложной компонентной структурой (образной, понятийной, ценностной).

На следующем, потенциально-семантическом уровне языковой системы религиозный концепт находит свою объективацию в виде лингвотеологемы. Данный ментально-языковой конструкт представляет собой устойчивую семантическую единицу (лексему или словосочетание), онтологически связанную с категорией святости. Лингвотеологема выступает вербальным «именем», или знаковым коррелятом, концепта в языке, а ее ключевым идентифицирующим признаком является наличие в семантической структуре *агиосемемы* — интегрального признака святости. Агиосемема выполняет интегрирующую функцию в структуре лингвотеологемы, объединяя значения в единое поле сакральных понятий.

На актуализированно-контекстуальном уровне дискурса и речи лингвотеологема реализуется как лексема в конкретной коммуникативной ситуации. На данном уровне с применением контекстуального анализа возможно отличить лингвотеологему от лингвокультуры в зависимости от актуализации или нейтрализации агиосемемы и агиосемы.

Таким образом, догматически выверенной формой существования религиозного концепта, влияющей на его вербализацию, выступает *лингвотеологема* — ментальный конструкт, присущий сознанию верующих,

и вербализованный лексемой или синкретичным словосочетанием, значение которого неразрывно связано с категорией святости и / или с религиозной сферой. Таким образом, лингвотеологема представляет собой единство формы знака и теологического значения, заключенного в знаке.

Так же, как и лингвокультуемы, лингвотеологемы дифференцируются и позволяют исследователям приводить различные классификации. Так, например, чины (лики) святости являются лингвотеологемами. Само разделение святых на лики, основанное на типе христианского подвига, является функцией *теологеми* — представления религиозного знания в структурированной, развитой до системы и упорядоченной формы [Прилуцкий, 2012, с. 167], а языковые единицы, обозначающие эти чины (*мученик, преподобный, святитель, благоверный* и др.), являются *лингвотеологемами*.

В структуре лингвотеологем агиосема выполняет интегрирующую функцию, объединяя их в единое поле сакральных понятий, в то время как дифференциальные агиосемы (например, ‘свидетельство кровью’ для мученика, ‘аскетическое монашеское служение’ для преподобного, ‘епископское служение’ для святителя) реализуют функцию дифференцирующую, обеспечивая разграничение чинов святости.

Рассмотрим употребление лексем, которые в зависимости от специфики текста и сферы речевого употребления (религиозного или нерелигиозного) выступают в качестве лингвотеологеми или лингвокультуемы. Одна и та же лексема может иметь различные значения, поскольку религиозная лексика, попадая в тексты разных стилей, претерпевает семантические изменения.

Далее в рамках предложенной методологии рассматриваются и сравниваются концепты православной языковой картины мира.

3.3. Компонентный и контекстуальный анализ лексем *бодрствовать* и *милосердие*

Для демонстрации предлагаемой модели был выбран глагол *бодрствовать* как наиболее репрезентативный пример. Его выбор обусловлен тем, что данная лексема представляет собой неочевидную лингвотеологеми. В отличие от таких ярких примеров, как *икона* или *милосердие*, которые даже в светском употреблении сохраняют коннотативную связь с религиозной сферой, слово *бодрствовать* в современном узусе прочно ассоциируется исключительно с физиологическим состоянием (‘не спать’) и не воспринимается как религиозный термин.

3.3.1. Анализ лексемы *бодрствовать*

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово происходит от прилагательного *бодрый*, которое восходит к прасла-

вянскому **bъd-rъ*, связанному с глаголом **bъdēti* (бдеть) и восходящему к праиндоевропейскому корню **bud-*, что подтверждается родством с лит. *budrūs* «бодрый» [ЭС, т. 1, с. 186]. В церковнославянский и затем в русский язык слово пришло как калька с греческого *υπυρρησις* — 1) бодрствование 2) быть бдительным, настороженным [ДГРС, т. 1, с. 334]. Второе значение данной лексемы используется в ключевых новозаветных призывах: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26:41).

Показательно, что в специализированных словарях, фиксирующих древнюю и церковную лексику, представление данной лексемы неравномерно. В словарях СДРЯ, ПЦСЯ, СПЦК лексема *бодрствовать* в качестве самостоятельной единицы отсутствует. Это может свидетельствовать о том, что в древний период данное значение передавалось преимущественно лексемой *бдеть*, а в современной религиозной лексикографии глагол еще не получил устойчивой фиксации.

Обращение к историческим церковнославянским и древнерусским словарям позволяет проследить эволюцию семантики данной корневой группы. В «Словаре церковнославянского и русского языка» глагол *бодрствовать* фиксируется в значении «быть неусыпным, бдеть» [СДРЯ, 1847, с. 72]. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию А. В. Старчевским, также содержит данную лексему [Старчевский, 1899, с. 46], что подтверждает ее присутствие в древнейших славянских памятниках. В Словаре Академии Российской глагол *бдеть* определяется следующим образом: «1) Бодрствование, препровождение времени безъ сна 2) Попечение, старанье о чемъ 3) Хранение, опасство, наблюдение» [САР, т. 1, с. 117]. Это тройное толкование («не спать», «печься», «хранить») очень показательно: оно фиксирует переход от физиологического состояния к деятельности попечения и охраны, что впоследствии становится основой для богословского осмысления бодрствования как духовного бдения.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля лексема фиксируется в словарной статье с заголовочным словом *бодрый*. Здесь представлен словообразовательный вариант со следующими значениями: «*Бодрствовать* — не спать; не дремать, бдеть, не засыпать, не поддаваться сну, быть на ногах; пер. жить, бодрствовать духом, быть ретивым» [ТСЖВЯ, т. 1, с. 106]. Особый интерес представляет фиксация переносного значения — «жить, бодрствовать духом», которое, хотя и не имеет прямой религиозной маркированности, содержит потенциальную сему духовной активности, подготавливающую почву для восприятия данного глагола в контексте нравственного богословия.

В «Полном церковнославянском словаре» прот. Г. Дьяченко, который включает лексику богослужебных книг, представлен не сам глагол, а однокоренные прилагательное и существительное: «Бодротный = бдительный, неусыпный, неустрашимый, храбрый, сильный (Мин. мес. сент. 30)»; «*Бодрство* = *бодротность*, *неусыпность*» [ПЦСЯ, 2004, с. 54]. Наличие в Минеях прилагательного *бодротный* в значении ‘неусыпный’, употребляемого по отношению к святым или к состоянию духовного бдения, подтверждает, что корневая группа *бодр-* была освоена церковнославянским языком и использовалась для передачи семантики духовной бдительности. Так, в каноне преподобному Григорию Пельшемскому находим: «*Страсти душещеленны успил еси бодротными молитвами и бденными, всеблаженне*». Здесь «бодротные молитвы» и «бдения» выступают как единый аскетический инструмент, с помощью которого святой умертвил «душещеленные страсти». Важно, что результатом этого подвига становится переход в «Небесный чертог», что указывает на эсхатологическую победу. Следовательно, «неусыпность» в данном контексте указывает на бдение на страже собственной души, результатом которого является духовная победа.

В «Словаре трудных слов из богослужения» О. А. Седаковой находим важное богословское свидетельство: «Бóдрый — недремлющий: пророческое именование Бога» [Седакова, 2008, с. 65]. В церковнославянском тексте книги пророка Даниила читаем: «...и се бодрый и святой от небесе сниде» (Дан. 4:10), «и вот, Бодрствующий и Святой сошел с небес» [Седакова, 2008, с. 65]. Таким образом, *бодрствующий* в библейском контексте выступает как эпитет Бога, Который неусыпно следит за миром и промышляет о нем. Это именование подчеркивает абсолютную бдительность Творца, Его постоянное присутствие и действие. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания семантики лексемы: если *бодрствующий* есть имя Божие, то призыв к бодрствованию обращен к человеку как к образу Божию, призванному подражать Божественной бдительности.

В большинстве словарей современного русского литературного языка дефиниция лексемы *бодрствовать* представлена однотипно и сводится к физиологическому состоянию: *бодрствовать* — ‘не спать’ [МАС, ТСРЯ, ТСО, БТСРЯ]. В Большом академическом словаре фиксируется второе, устаревшее значение: *бодрствовать* — ‘следить, наблюдать’ [БАС, т. 2, с. 83], что подчеркивает изначальное единство значений ‘не спать’ и ‘находиться в действии’. Однако в целом в светской лексикографии глагол *бодрствовать* трактуется как моносемант с физиологическим значением.

Научная литература последних лет предлагает более глубокое осмысление семантики бодрствования в религиозном контексте. Е. С. Ермак исследует иконографический мотив бодрствующего пророка Ионы, где бодрствование выступает как символ телесного Воскресения и победы над смертью [Ермак, 2023]. П. А. Ольхов, анализируя смыслы теологического мышления, обращает внимание на деятельностный аспект бодрствования как постоянного духовного усилия [Ольхов, 2019]. Эти исследования подтверждают, что в религиозном дискурсе бодрствование является активной позицией духовной готовности и нравственного бдения.

Для комплексного описания показательным является анализ лексемы с обстоятельственными распространителями глагола, которые указывают на функционирование получившегося конструкта в конкретном виде дискурса. Примеры, характерные для светского дискурса:

— по времени: *бодрствовать ночью; бодрствовать до утра; бодрствовать всю ночь* и т. п.;

— по причине / цели: *бодрствовать из-за работы; бодрствовать у постели больного* и т. п.;

— по способу: *бодрствовать, выпив кофе; бодрствовать от энергетика* и т. п.

В православном дискурсе религиозное понятие, обозначаемое лексемой, представлено лингвотеологемой, поскольку употребляемые в контексте распространители глагола носят исключительно духовный характер и раскрывают нравственную сущность понятия:

— по цели и характеру: *бодрствовать духовно, бодрствовать молитвенно* и т. п.;

— по причине / цели: *бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас* (Деян 20:31); *ибо Я бодрствую над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось* (Иер 1:12);

— по способу: *бодрствовать непрерывно; бодрствовать, помня о часе смертном* и т. п.

В православном религиозном дискурсе *бодрствовать* — значит быть бдительным, бороться с бесчувственностью и нерадением, чтобы достичь намеченной цели (Притч. 8:34), которая для верующего состоит в готовности встретить Господа, когда наступит День Его пришествия. Это значение выводится из строк Священного Писания, где указано, что бодрствуют для того, чтобы продолжать свой труд (Прем. 6:15) или не оказаться застигнутым врасплох врагом (Пс. 126:1). Призыв к бодрствованию также является ключевым наставлением Иисуса Христа ученикам в контексте беседы о конце мира и Пришествии Сына Человеческого: «Итак, бодрствуйте,

потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф. 24:42). Чтобы подчеркнуть неожиданность Своего Пришествия, Иисус использует различные сравнения и притчи, которые составили значимый контекст для употребления глагола *бодрствовать*: Сын Божий придет так же внезапно, как вор ночью (Мф. 24:43—44), или как хозяин, возвращающийся домой, не предупредив слуг (Мк. 13:35—36). Подобно тому как бдительный домоправитель или верный слуга не поддаются сну, христианин должен бодрствовать, то есть быть начеку, готовым к встрече с Господом.

Призыв к духовной бдительности в условиях земных испытаний неоднократно звучит в апостольских посланиях (1 Кор. 16:13; Кол. 4:2; Еф. 6:10—20). В ранних посланиях апостол Павел призывает к бодрствованию: «Ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не сыны ночи, ни тьмы. Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться» (1 Фес. 5:5—6). В Откровении Иоанна Богослова обращение Судии последних времен к Сардийской церкви также представляет собой настойчивый призыв к бодрствованию (Откр. 3:2—3): блажен «бодрствующий и хранящий одежды свои» (Откр. 16:15), ибо он удостоится участия в торжествующем шествии Господа.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что лексема *бодрствовать* в светской языковой картине мира функционирует как моносемная лингвокультурема, описывающая физическое состояние отсутствия сна, а в православном дискурсе становится многогранной лингво-теологемой, смысловым ядром которой является значение постоянного духовного усилия, внимания к внутреннему миру («трезвению») и борьбы с «духовным сном» — грехом и страстями. Противопоставление значений является ярким примером дихотомии сакрального и профанного в современном языковом сознании, где одна лексема вербализует принципиально разные типы реальности.

3.3.2. Анализ лексемы *милосердие*

Данное слово является калькой с греческого *εὐσπλαγχνία* (*eúsplanchnia*) или латинского *misericordia*, что буквально означает «иметь благое сердце» или «жалеть сердцем». Согласно Этимологическому словарю М. Фасмера, слово восходит к старославянскому *милосрьдь* [ЭС, т. 2, с. 621].

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова *милосердие* определяется как «готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается» [ТСРЯ, т. 2, с. 214], сходные определения встречаем также в других словарях: «готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами» [БАС, т. 10, с. 179; МАС, т. 2,

с. 267; ТСО, 2019, с. 539]. Дефиниции преимущественно сводятся к внутреннему чувству. Деятельностный компонент, ключевой для религиозного понимания, здесь остается имплицитным. В Полном церковнославянском словаре прот. Г. Дьяченко встречаем «милость = милосердие; ἔλεος, сострадание, милосердие. Господь милует до 1000 раз, а наказывает до 3 или 4 рода, то есть сравнительно меньше (Исх. XX, 6)» [ПЦСЯ, с. 305].

В научной литературе предлагается многоаспектное осмысление концепта МИЛОСЕРДИЕ. Е. М. Березина противопоставляет светское понимание милосердия как социальной практики и религиозное как духовной добродетели [Березина, 2012]. Р. Р. Дружинин определяет милосердие как фундаментальную ценность русской культуры [Дружинин, 2013]. А. А. Меркулова и Т. Я. Заглядкина рассматривают национальную специфику репрезентации милосердия в русской и немецкой лингвокультурах [Меркулова и др., 2020]. Н. Ю. Фанян исследует милосердие в системе религиозных концептов [Фанян, 2024]. Эти и другие исследователи отмечают, что в русской лингвокультуре *милосердие* представлено диадной моделью (*милость* и *милосердие*), причем ядро концепта образуют семантические компоненты действия, помощи, сострадания.

Для профанного дискурса характерны контексты употребления лексемы в значении институционализированной практики: *оказывать милосердие через благотворительные фонды; занимать делами милосердия* — или ситуативной реакции: *проявить милосердие (к бойцам); рассчитывать на милосердие*. Связь с личным духовным деланием и любовью как онтологической категорией здесь присутствует имплицитно, она связана с социальной категорией, моральным чувством, гуманистической ценностью, что раскрывает лексему как лингвокультуре.

В религиозном православном дискурсе распространители лексемы носят иной характер, раскрывая ее как аскетическую и сотериологическую категорию: *Милосердие Божие; молить о милосердии*. Для православного религиозного дискурса милосердие осмысливается также как опыт богопознания через любовь к ближнему. Милосердие связывается с евангельскими строками: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36); с добродетелью, которая выше обрядового благочестия: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13); с характеристикой Всевышнего: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив» (Пс. 102:8); со свойством божественной мудрости и заповедью блаженства: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7). Так, в религиозном дискурсе лексема становится лингвотеологемой, смысловым ядром которой является подражание Божественной любви.

Ключевое различие можно выразить в антиномии: в светском понимании милосердие — это помощь *слабому*, исходящая из чувства жалости; в религиозном — *служение Богу в ближнем*, исходящее из любви и ведущее к соединению с Богом.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о соотношении светского и религиозного компонентов в структуре современной национальной культуры. Лингвокультурема — единица, отражающая светское сознание и обыденную картину мира, в то время как лингвотеологема — единица особого догматического сакрального кода.

На материале двух лексем, *бодрствовать* и *милосердие*, установлено, что одна и та же языковая единица может одновременно функционировать и как лингвокультурема, и как лингвотеологема. Ее статус определяется типом дискурса и актуализацией соответствующих сем в конкретном контексте. Так, лексема *бодрствовать* в светском дискурсе выступает как моносемантическая лингвокультурема со значением физиологического состояния ‘не спать’. В этом качестве она описывает эмпирическую реальность и лишена религиозной коннотации. Однако в православном дискурсе та же лексема актуализирует значение духовного бдения, трезвения и противостояния греху, восходящее к библейскому именованию Бога как *Бодრствующего*. Здесь *бодрствовать* становится лингвотеологемой, смысловое ядро которой — неусыпное стояние на страже души, подражание Божественной бдительности. Лексема *милосердие* демонстрирует аналогичную двойственность. В светском дискурсе она функционирует как лингвокультурема, обозначающая готовность оказать помощь из сострадания (институциональную благотворительность или ситуативную реакцию); ее дефиниции в современных словарях психологизированы и лишены онтологического обоснования. В православном дискурсе *милосердие* является лингвотеологемой, ядром которой является служение Богу в ближнем из любви, ведущее к соединению с Ним (Мф. 5:7; Лк. 6:36). В этом качестве лексема номинирует не только моральную категорию, но и сотериологическую добродетель.

Современная российская ментальность сформировалась в результате исторического разлома: в советский период из общественного сознания целенаправленно вытеснялась религиозная картина мира, а постсоветская реальность характеризуется сочетанием светской и религиозной культуры в различных конфессиональных вариантах последней. Лингвокультурема и лингвотеологема сосуществуют в современном языковом

сознании как самостоятельные, но часто соприкасающиеся системы кодов. Это создает уникальную ситуацию, где сакральное и светское не смешивается, но и не отрицает друг друга, образуя сложную и динамичную целостность, что открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, культурологии и теологии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БАС — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева и др. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948—1965.
2. БТСРЯ — *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
3. ДГРС — *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. — Т. 2. — 1905 с.
4. МАС — *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1981—1984.
5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 27.02.2026).
6. ПЦСЯ — *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. — Москва : Отчий дом, 2004. — 1120 с. — ISBN 5-86809-048-9.
7. САР — *Словарь Академии Российской* — СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794. — Т. 1–6.
8. СДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1893—1912.
9. СДСЯ — *Старчевский А. В.* Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1899. — 950 с.
10. *Седакова О. А.* Словарь трудных слов из богослужения : Церковнославяно-русские паронимы / О. А. Седакова. — Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. — 424 с. — ISBN 978-5-89816-182-8.
11. СПЦК — *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Скляревская. — Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-17-053356-5.
12. СЦРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языка*. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1847. — Т. 1–4.
13. ТСЖВЯ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1978—1980.
14. ТСО — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. — 27-е изд., испр. — Москва : Мир и образование, 2019. — 736 с. — ISBN 978-5-94666-846-4.

15. ТСРЯ — Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушакова. — Москва : Советская энциклопедия, 1935—1940.

16. *Ekzeget.py* : православный портал о богословии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ekzeget.ru> (дата обращения 27.02.2026).

17. ЭС — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — Москва : Прогресс, 1986—1987.

18. *Bible.by* : портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://bible.by> (дата обращения 27.02.2026).

Литература

1. Березина Е. М. Светское и религиозное измерение милосердия / Е. М. Березина // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. — 2012. — № 2. — С. 49—55.

2. Берендеева М. С. Структурные особенности религиозной концептосферы : на материале концептов жертвоприношение, молитва и подвиг : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. С. Берендеева. — Новосибирск, 2015. — 230 с.

3. Бугаева И. В. Агнотема как компонент семантической структуры религиозной лексики / И. В. Бугаева // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. — 2025. — № 1 (30). — С. 202—221. — DOI: 10.51216/687-072X_2025_1_202-221.

4. Бувевич А. А. Религиозные концепты: дефиниции, базовые признаки, методики описания / А. А. Бувевич // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). — 2015. — № 1 (45). — С. 71—79.

5. Воробьев В. В. Лингвокультурология : Монография / В. В. Воробьев. — Москва : РУДН, 2008. — 336 с. — ISBN 978-5-209-02717-1.

6. Воркачев С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминсистема лингвокультурной концептологии / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2014. — № 12. — С. 50—69.

7. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 763 с. — ISBN 5-7859-0063-7.

8. Гадомский А. К. Русская теолингвистика : история, основные направления исследований / А. К. Гадомский // Стил. — 2010. — № 9. — С. 357—374.

9. Дружинин Р. Р. Милосердие как концепт культуры / Р. Р. Дружинин // Научная мысль Кавказа. — 2013. — № 2(74). — С. 26—32.

10. Ермак Е. С. Почему Иона бодрствует? Интерпретация раннехристианского саркофага из Британского музея в современном искусствознании / Е. С. Ермак // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2023. — № 51. — С. 9—28. — DOI 10.15382/sturV202351.9-28.

11. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : ГНОЗИС, 2004. — 389 с. — ISBN 5-7333-0143-0.

12. Ковшова М. Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе : основные принципы и метод исследования / М. Л. Ковшова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 745—756. — DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756.

13. Коренева Ю. В. Лингвоконцепт помощь в симфонии по творениям преподобных Оптинских старцев / Ю. В. Коренева // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций : Россия — Запад — Восток : Материалы Межд. науч.-практич. конф-ции «Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие». — Москва : Ремдер, 2017. — С. 20—24.

14. Лагутова А. С. Концепт светильник в пространстве религиозного дискурса (на примере жанра акафиста) / А. С. Лагутова // Когнитивные исследования языка. — 2025. — № 1—1 (62). — С. 704—708.
15. Лагутова А. С. Лексема «защитник» в пространстве религиозного дискурса / А. С. Лагутова // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 2—1 (58). — С. 273—277.
16. Макарова А. С. Вербализация концепта крест в православной медиапроповеди / А. С. Макарова // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3—2 (54). — С. 725—729.
17. Меркулова А. А. Концепт «Милосердие» в немецкой и русской лингвокультурах / А. А. Меркулова, Т. Я. Заглядкина // Terra Linguae : Сборник научных статей. Выпуск 8. — Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. — С. 39—44.
18. Новиков Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — Москва : Высшая школа, 1982. — 272 с.
19. Ольхов П. А. Бодрствуйте! (Мф. 24, 42): деятельные смыслы теологического мышления / П. А. Ольхов // Евангелие в контексте современной культуры : сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции, Белгород, 16 мая 2019 года. — Белгород: Эпицентр, 2019. — С. 28—30.
20. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2—2 (54). — С. 127—131.
21. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теоллингвистического анализа) / В. И. Постовалова // Критика и семиотика. — 2014. — № 2. — С. 127—148.
22. Прилуцкий А. М. Специфика структуры религиозного дискурса / А. М. Прилуцкий, Л. Е. Андреева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2015. — Т. 2. — № 1. — С. 158—164.
23. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. — Москва : Гнозис, 2019. — С. 23—35.
24. Сайгин В. В. Языковая реализация концепта «Грех» в разных дискурсивных практиках современной русской речи / В. В. Сайгин // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 1. — С. 188—196.
25. Самситова Л. Х. Культурный концепт как лингвокультурный феномен / Л. Х. Самситова // Вестник Башкирского университета. — 2011. — Т. 16. — № 3—1. — С. 1045—1048.
26. Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства» : Лексический аспект : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Сергеева. — Санкт-Петербург, 2002. — 469 с.
27. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция : ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 19—30.
28. Фанян Н. Ю. Интегративное осмысление религиозного дискурса: аргументативный и концептуальный аспекты / Н. Ю. Фанян // Вестник Марийского государственного университета. — 2024. — Т. 18. — № 1 (53). — С. 115—121. — DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-1-115-121.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2026,
одобрена после рецензирования 23.07.2026,
подготовлена к публикации 31.08.2026.*

Material resources

- BAS — Chernyshev, V. I. (ed.). (1948—1965). *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Bible.by: portal. Available at: <https://bible.by> (accessed 27.02.2026).
- BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- DGRS — Dvoretzky, I. H. (1958). *Ancient Greek-Russian dictionary: in 2 volumes*, 2. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1905 p. (In Russ.).
- ES — Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
- MAS — Evgenieva, A. P. (ed.). (1981—1984). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 27.02.2026). (In Russ.).
- PCSYa — Dyachenko, G. (2004). *Complete Church Slavonic Dictionary*. Moscow: Father's House. 1120 p. ISBN 5-86809-048-9. (In Russ.).
- SAR — *Dictionary of the Russian Academy* (Vols. 1—6). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1789—1794. (In Russ.).
- SDRYa — Sreznevsky, I. I. (1893—1912). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments: in 3 volumes*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- SDSYa — Starchevskiy, A. V. (1899). *Dictionary of the Old Slavonic language compiled from the Ostromir Gospel*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. (In Russ.).
- Sedakova, O. A. (2008). *Dictionary of Difficult Words from Liturgy: Church Slavonic-Russian Paronyms*. Moscow: Greko-Latinsky Kabinet of Yu. A. Shichalin. 424 p. ISBN 978-5-89816-182-8. (In Russ.).
- SPCC — Sklyarevskaya, G. N. (2008). *Dictionary of Orthodox Church Culture*. Moscow: AST; Saint Petersburg: Astrel-SPb. 447 p. ISBN 978-5-17-053356-5. (In Russ.).
- STsRYa — *Dictionary of Church Slavonic and Russian*. (1847). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. Vols. 1—4. (In Russ.).
- The exegete.<url>: Orthodox portal about theology*. Available at: <https://ekzeget.ru> (accessed 27.02.2026). (In Russ.).
- TSO — Ozhegov, S. I. (2019). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Mir i obrazovanie. 736 p. ISBN 978-5-94666-846-4. (In Russ.).
- TSRYa — Ushakov, D. N. (1935—1940). *Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
- TSZhVYa — Dahl, V. I. (1978—1980). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).

References

- Berendeeva, M. S. (2015). *Structural features of the religious conceptual sphere: based on the concepts of sacrifice, prayer and feat*. PhD Diss. Novosibirsk. 230 p. (In Russ.).
- Berezina, E. M. (2012). The secular and religious dimension of mercy. *Bulletin of the Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2: 49—55. (In Russ.).
- Buevich, A. A. (2015). Religious concepts: definitions, basic signs, methods of description. *Vesnik Magileuskaga dzyarzhavnaga universiteta imya A. A. Kulyashova. Ser. A. Humanitarian sciences (histories, filsofia, filalogia)*, 1 (45): 71—79. (In Russ.).

- Bugaeva, I. V. (2025). Hagioseme as a component of the semantic structure of religious vocabulary. *Theological collection of the Tambov Theological Seminary*, 1 (30): 202—221. DOI: 10.51216/687-072X_2025_1_202-221. (In Russ.).
- Bugaeva, I. V. (2022). Linguotheology: the interdisciplinary interaction of language and theology. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 7: 74—79. (In Russ.).
- Ermak, E. S. (2023). Why is Jonah awake? Interpretation of an early Christian sarcophagus from the British Museum in contemporary art studies. *St. Tikhon's University Review. Series 5: Problems of History and Theory of Christian Art*, 51: 9—28. DOI: 10.15382/sturV202351.9-28. (In Russ.).
- Gadomsky, A. K. (2010). Russian theolinguistics: history, main research directions. *Styl*, 9: 357—374. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). *Linguistic transformations*. Moscow: Languages of Russian Culture. 763 p. ISBN 5-7859-0063-7. (In Russ.).
- Grudinina, E. V. (2024). On the relationship between the definitions of “religious discourse” and “religious functional style”: confessional and linguistic aspects. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 48: 108—126. DOI: 10.24412/2224-5391-2024-48-108-126. (In Russ.).
- Fanyan, N. Y. (2024). Integrative understanding of religious discourse: Argumentative and conceptual aspects. *Vestnik of Mari State University*, 18(1): 115—121. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-115-121>. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2004). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: GNOSIS. 389 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Koreneva, Yu. V. (2017). Linguistic concept assistance in a symphony based on the works of the Reverend Optina elders. In: *Current issues of studying world culture in the context of the dialogue of civilizations: Russia — West — East: Materials of the International Scientific and Practical Conference “Slavic Culture: Origins, Traditions, interaction”*. Moscow: Remder. 20—24. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2023). The role of linguoculturology at the present stage: basic principles and research method. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 14 (3): 745—756. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756. (In Russ.).
- Lagutova, A. S. (2025). The concept of a lamp in the space of religious discourse (using the example of the Akathist genre). *Cognitive studies of language*, 1—1 (62): 704—708. (In Russ.).
- Lagutova, A. S. (2024). The lexeme “defender” in the space of religious discourse. *Cognitive studies of language*, 2—1 (58): 273—277. (In Russ.).
- Makarova, A. S. (2023). Verbalization of the concept of the cross in Orthodox media teaching. *Cognitive studies of language*, 3—2 (54): 725—729. (In Russ.).
- Merkulova, A. A., Zaglyadkina, T. Yu. (2020). The concept of “Mercy” in German and Russian linguocultures. In: *Terra Linguae: Collection of scientific articles*. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University. 8: 39—44. (In Russ.).
- Novikov, L. A. (1982). *Semantics of the Russian language*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 272 p. (In Russ.).
- Olkhov, P. A. (2019). Watch! (Matt. 24:42): Active meanings of theological thinking. In *The Gospel in the context of contemporary culture: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Belgorod, May 16, 2019*: 28—30. Belgorod: Epicenter. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2013). Types of concepts and stages of conceptual research. *Bulletin of Kemero State University*, 2—2 (54): 127—131. (In Russ.).

- Postovalova, V. I. (2014). Religious concepts in the Orthodox worldview (experience of theolinguistic analysis). *Criticism and Semiotics*, 2: 127—148. (In Russ.).
- Postovalova, V. I. (2012). Theolinguistics in modern humanitarian knowledge: origins, main ideas and directions. *Magister Dixit*, 4: 56—103. (In Russ.).
- Prilutsky, A. M., Andreeva, L. E. (2015). Specifics of the structure of religious discourse. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2 (1): 158—164. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2019). Faith as the basis of world perception and worldview in the Russian linguistic worldview. In: *Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures*. Moscow: Gnosis. 23—35. (In Russ.).
- Saigin, V. V. (2014). Linguistic realization of the concept of “Sin” in various discursive practices of modern Russian speech. *Communicative research*, 1: 188—196. (In Russ.).
- Samsitova, L. H. (2011). Cultural concept as a linguistic and cultural phenomenon. *Bulletin of the Bashkir University*, 16 (3—1): 1045—1048. (In Russ.).
- Sergeeva, E. V. (2002). *Russian religious and philosophical discourse of the “school of unity”: Lexical aspect*. Doct. Diss. St. Petersburg. 469 p. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (2004). Cultural and linguistic competence: its high probability and deep intimacy in the units of the phraseological composition of the language. In: *Cultural layers in phraseological units and in discursive practices*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 19—30. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2014). Semiotics of the linguocultural concept and the terminological system of linguocultural conceptology. *Language, communication and social environment*, 12: 50—69. (In Russ.).
- Vorobyov, V. V. (2008). *Linguoculturology: A Monograph*. Moscow: RUDN University. 336 p. ISBN 978-5-209-02717-1. (In Russ.).

*The article was submitted 03.03.2026;
approved after reviewing 23.07.2026;
accepted for publication 31.08.2026.*